КЛАССИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И.А. ИЛЬИН
О СИЛЬНОЙ ВЛАСТИ*

Россия, как национально-политическое явление, была создана *сильной государственной властью,* которая, однако, никогда (даже при Иоанне Грозном!) не покушалась на тоталитарное ведение жизни, культуры и хозяйства. Так было в прошлом. Так будет и впредь. И нам, русским патриотам, надлежит помнить это и, не ослепляясь безобразиями коммунистически-тоталитарной диктатуры, явившей миру не сильную власть, а насильственно-произвольное попирание жизни, самостоятельности и свободы, *крепить нашу национально-государственную власть* – в ее *конституционном строении,* в ее *государственном направлении,* в ее *волевой энергии,* в ее *блюдении права и свободы,* в ее *политическом искусстве и особенно* в ее *всенародных духовных корнях.*

Строго говоря, самое выражение «сильная власть» должно бы считаться странным и излишним: ведь *власть* сама по себе есть *общественно-выделенная* и *организованная сила* – в этом ее сущность и назначение; она есть *живое средоточие уполномоченной и могущественной воли,* которую *все признают,* уважая ее, подчиняясь ей и исполняя ее требования и законы. Что же означает выражение: «сильная власть…»? «Сильная сила»? Не плеоназм ли это? Однако исторически и политически это выражение полно глубокого и сложного смысла.

В истории народов государственная власть нередко *преувеличивала* свое призвание и свою сферу действия; она направляла свою энергию к неверным целям, попирала свои правовые формы и злоупотребляла своей мощью. Это вызывало протест и борьбу. Но борьба эта, движимая страстями, – открытым честным возмущением и прикровенным личным честолюбием, – не только стремилась умерить преувеличения, исправить заблуждения, прекратить бесправие и злоупотребления исторической власти, но *расшатывала и ослабляла самую власть.* Борьба за «новую», «лучшую» государственность вела *к подрыву самой государствен-*

---

* Ильин Иван Александрович (1882–1954) – известный русский философ и правовед.

Печатается с небольшими сокращениями по: Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1 / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1993. С. 404–419.

ной организации. Создавали не просто «лучшую власть», а *слабую власть, бессильную, беспомощную, раздробленную.* Опасаясь злоупотребления властью, обессиливали самую власть, а вместе с тем подрывали и внутренний порядок, и внешнюю обороноспособность государства. Придумывали такие формы власти, которые затрудняли и волевую концентрацию, и принятие решений, и проведение их в жизнь. Вводили в государственное устройство всевозможные «поправки», не замечая того, что эти поправки подтачивают действие власти, но *не обеспечивают ни от безвластия, ни от ошибочных целей, ни от злоупотреблений…* Так, ввели состязание государственных органов друг с другом (глава государства, министерство, верхняя палата и нижняя палата); ввели многоголовый сговор и взаимную борьбу многих партий; полномочия главы государства ограничили избираемостью его и срочностью и тем поставили его под контроль и увеличили медлительность в течении дел; стали выделять к власти людей слабых, безвольных, незначительных, зависимых от политической кулисы; конституционно закрепили недоверие народа к власти, – не заметили, что всем этим создали *сущее государственное безвластие и безволие.* Замесили современное государство на дрожжах взаимного недоверия, классовой борьбы, тайных соглашений и закулисных интриг, – и не сообразили, что все это соответствует идеям *анархизма,* а не идее здоровой государственности. Боролись с *бесправием* и *произволом преувеличенной власти,* – и были в этом правы; но пришли *к бесправию от растраченной власти,* к распаду, к всеобщей политической интриге всех против всех, к тайновластью всевозможных интернационалов, к «перманентной революции», к гражданской войне, к анархии… И что всего поучительнее, что этому ослаблению государственной власти исторически соответствовало не сужение государственных задач, не сокращение их объема и размаха, а возложение на государственную власть новых непосильных ей задач: началось притязание на *великодержавие,* на *колониальное водительство,* на *мировое преобладание* и даже на *социалистическое регулирование хозяйства…* Всего противоречивее и даже комичнее оказалась позиция социалистов: «последовательные демократы», сто лет делавшие все, чтобы расшатать и ослабить государственную власть, они все время носились с планом реорганизации всей жизни, предполагавшим монопольно- и тоталитарно-сильную государственную власть… И когда такая уродливая и болезненная власть, которая им была необходима,

оказалась предвосхищенной у них большевиками, тогда обида их оказалась пожизненной и неисчерпаемой...

Есть государства, которые *могут существовать* при сравнительно слабой власти. Но и в их истории может пробить час, который потребует единства, волевой энергии, доверия, повелительности, быстроты, сильных людей и ответственных решений. И тогда все будет зависеть от их способности быстро и успешно перестроить свой порядок, свой ритм и свой привычный отбор людей…

Бывают исторические условия, при которых государство может плести ткань своей жизни, *не имея сильной власти*. Вот эти условия (перечисляю их с оговоркой – *«при прочих равных условиях»*).

1. Малый размер государства. Чем меньше государство по территории, тем легче ему обойтись без сильной власти. Пространство требует, чтобы излучения власти пронизывали, прорабатывали его; оно поглощает и ослабляет их действие. Чем большая территория подчинена единой власти, тем сильнее, тем авторитетнее должна быть эта власть, тем более она должна импонировать гражданам. – Поэтому территориальные размеры России (перед революцией – 22,4 миллиона кв. килом.) требуют сильной власти. Достаточно сообразить, что территория Швейцарии составляет одну десятую часть Кавказа (вместе с Закавказьем); что территория европейской Франции составляла одну сорок четвертую тогдашней России; что Россия по пространству впятеро больше Китая, почти втрое больше Соединенных Штатов и вчетверо больше всех (нерусских) государств Европы, взятых вместе. – Сможет ли слабая власть пронизать своими организующими и упорядочивающими лучами такое пространство?

2. Малочисленность населения. Чем меньше население государства, тем легче ему обойтись без сильной власти. Наоборот, чем больше людей входит в государство, тем труднее создается политическое единодушие и единоволение, – особенно на путях сговора (будь то «непосредственный» или «представительный» сговор). Голос слабой власти всегда утонет в шуме «сговаривающихся» миллионов. Поэтому численность русского населения требует для России сильной власти. Население коренной России (160–170 милл.) численно почти соответствует населению всей Северной Америки и значительно превосходит все население Африки. При слабой плотности расселения (в дореволюционной Рос-

сии 29 человек на кв. килом. в Европейской России и 2,3 чел. на кв. килом. в Азиатской России), русский народ всегда склонен к состоянию полу-анархии и лишь с большим трудом приучается к правопорядку. Чего же достигнет в России слабая власть?.. Февральская революция это показала наглядно.

3. Обилие средств сообщения. Чем легче людям сноситься друг с другом в пределах единого государства, – передвижением (жел. и шосс. дороги, автомобили, пароходы, аэропланы), устно (телефон, радио) и письменно (почта, телеграф), – тем более страна оказывается спаянной общением, бытом и хозяйством; тем легче может справиться со своей задачей слабая власть; и обратно. – Средства сообщения в России пребывали ранее и пребывают и ныне на весьма низком уровне. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить Россию и Германию. В России 1 километр железнодорожных линий приходится на 262 килом. площади, а в Германии на 7 килом. (квадр.); в России 1 автомобиль обслуживает в среднем 850 жителей, а в Германии 54 жителя; в России одним телефонным аппаратом пользуются (вернее – *не пользуются!*) в среднем 295 человек, а в Германии 22 человека. Все эти данные относятся ко времени до Второй мировой войны и основываются на, как всегда пропагандных, подсчетах советской статистики; в действительности все обстоит, вероятно, еще хуже. – И тем не менее эти данные достаточно показательны. И вот, Российская власть должна быть тем сильнее, чем труднее ей прорабатывать человеческую разъединенность страны.

4. Слабая дифференциация страны. Чем меньше в стране национальных, языковых, религиозных, бытовых, климатических и хозяйственных различий, тем легче управлять государством, тем удовлетворительнее справится со своей задачей слабая власть; и обратно. Маленькая приморская Португалия (величиной с нашу самую малую – Черноморскую губернию), с ее 7 миллионами единоплеменных, единоверных жителей, говорящих на одном языке и не затронутых ни климатической, ни хозяйственной дифференциацией, – и та создала свою сильную власть и внутренне замирилась. Уже в соседней Испании слабая власть обычно ведет к распаду и гражданской войне. – Что же сказать о России?.. Число ее национальностей и языковых групп доходит до 170. Число ее религий и исповеданий до 30. Климат ее знает все колебания от вечной ночи до полуденной пустыни. Ее природа требует от нас органического и хозяйственного приспособления – и к тундре, и

к солончаку, и к винограду, и к полярному мху, и к тайге, и к горам, и к океану. Кровь и язык, вера и быт, хозяйственный уклад и культурный уровень – *дифференцированы в России в высочайшей степени*. Государственное единство возможно здесь *только при наличности сильной и мудрой власти.*

5. Свобода от великодержавных задач. Чем проще национальная, культурная, хозяйственная и международная проблематика страны, тем легче ее государственные задания, тем уместнее во главе ее слабая власть. И обратно: только сильная власть справится с великодержавными задачами страны. Спаять внутренно множество в органическое единство; поднять культурный уровень народных масс; вызвать к жизни хозяйственный расцвет большого народа; установить трудовое равновесие и возможно большее хозяйственное самопитание (автаркию) страны; найти верное торговое взаимодействие с соседями и ввести страны в меновой и дипломатический организм мирового общения, – все это требует сильной власти, *независимой от партийного прилива и отлива, не опасающейся «сроков», не трепещущей перед новыми выборами, прозорливо ведущей свою линию из десятилетия в десятилетие.*

<…> Только сильная, эмансипированная от заговорщических партий, сверхсословная и сверхклассовая власть могла дать России великие реформы шестидесятых годов. Так и в будущем: слабая власть не поведет Россию, а развалит и погубит ее. <…>

6. Высокий уровень народного правосознания. Чем выше уровень народного правосознания, тем легче слабая власть справится со своей задачей; и обратно. Правосознание есть умение уважать право и закон, добровольно исполнять свои государственные обязанности и частные обязательства, строить свою жизнь, не совершая преступлений; в основе его лежит чувство собственного духовного достоинства, внутренняя дисциплина воли, взаимное уважение и доверие граждан друг к другу, граждан к власти и власти к гражданам. Чем сильнее и глубже правосознание в народе, тем легче править им, тем менее опасна слабая власть; и обратно. <…>

7. Отсутствие военной угрозы. Чем замиреннее границы государства, чем менее грозят народу войны и нападения, тем легче справится слабая власть со своей задачей; и обратно. Слабая власть вообще не способна вести войну, ибо война требует воли, дисциплины, подготовки, концентрации и сверхсильных напряже-

ний. Именно поэтому Римская республика назначала на время войны (а также и внутренних затруднений) – диктатора, осуществлявшего единую, сильную и концентрированную власть. Обычный расчлененный и сложный аппарат государственной власти должен без труда упрощаться, сосредоточиваться и приобретать некую *элементарную динамичность* в трудные и опасные периоды: и чем легче происходит этот процесс упрощения и сосредоточения, тем боеспособнее угрожаемое войною государство. <…> По-видимому, дело обстоит как раз обратно и сильная власть будет необходима России, как, может быть, еще никогда…

Все эти законы общественной жизни могут быть выражены так: чем труднее народу дается государственное объединение и чем необходимее оно в данный период его истории, – тем сильнее должна быть его государственная власть. Слабая власть есть своего рода «роскошь», которую может себе позволить только народ, находящийся в исключительно благоприятных условиях; – не тот народ, которого *все еще* тянет в анархию, т. е. к *безвластному замешательству,* а тот народ, которому маловластие или безвластие уже не грозит замешательством; – не тот народ, *внешние расстояния* и *державные задания* которого намного *опередили* силу и гибкость его правосознания, а тот народ, который *духовно дорос до своих численно-пространственных размеров,* – который идейно, технически и организационно справился с бременем своих государственных задач. Народ, не могущий позволить себе этой роскоши, не должен и посягать на нее, ибо это посягание будет *жизненно-беспочвенным* и *опасным* и непременно приведет к образованию утопических партий и к гибельным попыткам с их стороны.

Силою равнинного пространства, силою национального темперамента, силою славянского индивидуализма и слабостью своей общественной дисциплины – русский народ поставлен в условия, требующие не слабого, а *сильного государственного центра.* На протяжении своей истории он не раз обнаруживал, и ныне, в революции, вновь обнаружил тягу к безвластному замешательству, к страстному разрушительному кипению, к хаотическому имущественному переделу, к противогосударственному распаду. Русский человек *способен* блюсти порядок и строить государство; он *способен* держать образцовую дисциплину, жертвенно служить и умирать за родину. Но эта способность его проявляется и приносит плоды не тогда, когда она предоставлена самой себе, а *тогда,*

когда она вызывается к жизни, закрепляется и ведется импонирующим ему, сильным и достойным государственным авторитетом.

Именно поэтому *России необходима сильная власть.* И она будет ее иметь.

Однако идея «сильной власти» совсем не так проста и общепонятна, как это многим кажется. Она должна быть верно и глубоко продумана. Она окружена *соблазнами*. Она может неверно истолковываться, противоправно строиться и дурно применяться в жизни. Здесь необходима большая предусмотрительность и ясность в определениях. *Здесь преувеличения столь же вредны и опасны, как преуменьшения...*

Принципиально говоря, государственная власть имеет вполне определенное и ограниченное призвание. Она совсем не «все может» и совсем не призвана «всем распоряжаться». Напротив, – все то, что требует *свободного дыхания, добровольного самоопределения* со стороны человека, его *творческой инициативы, – не подлежит произволению и властному распоряжению государственной власти.* Человек не машина, а живой организм. Дух человека живет не по приказу и творит не по принуждению. Заменить хозяйственно-трудовую инициативу человеческого инстинкта – нельзя ничем; предписывать человеческому духу любовь, веру, молитву, совестные движения души, чувство достоинства и чести, способы научного исследования и художественного созерцания – противоестественно и нелепо. К добродетели и верности можно призывать; их преимущества можно показывать и разъяснять; злые деяния можно воспрещать и наказывать. Но «Царство Божие» и духовная культура – не вызываются к жизни государственным повелением. Это не означает, что государственной власти совсем «нечего делать»; но дело ее здесь *ограничено,* оно сводится к *правовому обеспечению свободы, к препятствованию всем злым и соблазнительным начинаниям, к организации народного просвещения и к выделению людей благой воли.*

Это означает, что *сильная власть* совсем не то же самое, что *«тоталитарная власть».*

Сильная власть грядущей России должна быть сильна *в своих верных пределах.* Она совсем не призвана посягать на необъятное и неосуществимое. Забывая свои пределы и подминая под себя всю свободную, творческую жизнь граждан, она стала бы неизбежно *надрываться* и *компрометировать себя*. Она вынуждена

была бы претендовать на всеведение, всепредвидение и всемогущество и не смогла бы оправдать свою претензию. Никакая судорожная суетливость, никакая грозная требовательность не спасла бы ее. Ей пришлось бы прибегнуть к террору и системе доносов, и это только повредило бы ей: она стала бы, наподобие советской власти, ненавистной всему народу; и свободная лояльность не водворилась бы в России. Излучения власти не смогли бы пронизать правовую жизнь народа. Никакие жестокие и дурные средства не помогли бы разрешить *объективно-неразрешимую задачу* – и оказалось бы, что новая власть подрывает себя так, как подрывала себя власть коммунистическая.

Сила власти определяется совсем не размером ее посяганий и не готовностью ее прибегать к любым и даже самым дурным средствам. Сила власти не сводится к тому, что она готова истощать народное терпение и растрачивать народное уважение и доверие.

В чем же состоит сила государственной власти?

<…> *Сила власти есть прежде всего ее духовно-государственный авторитет, ее уважаемость,* ее признаваемое *достоинство,* ее *способность импонировать* гражданам. Поставить себе неосуществимую задачу не значит проявить силу; растрачивать свой авторитет не значит быть сильным. Сила власти проявляется не в крике, не в суете, не в претенциозности, не в похвальбе и не в терроре. Истинная сила власти состоит в ее способности *звать не грозя* и *встречать верный отклик в народе.* Ибо власть есть прежде всего и больше всего – дух и воля, т. е. *достоинство и правота наверху,* которым отвечает *свободная лояльность снизу.* Чем меньшее напряжение нужно сверху и чем больший отклик оно вызывает внизу, тем сильнее власть. Принуждение бывает необходимо; но оно есть лишь *техническое подспорье* или *условно-временная замена* истинной силы. Государственная власть есть прежде всего – *явление внутреннего мира,* а потом только внешнего. Власть сильна не штыком и не казнью. Штык нужен тогда, когда власть недостаточно авторитетна; казнь говорит о недостаточной лояльности снизу. *Власть сильна своим достоинством, своею правотою, своею волею и ответом народа* (т. е. блюдением закона, доверием, уважением и готовностью творчески вливаться в начинания власти).

Эту основную природу свою, – духовную и волевую, – власть должна помнить, беречь и укреплять. В ее распоряжении всегда

остается аппарат *принуждения,* – т. е. возможность поддерживать свои веления *внешней силой.* Но внешняя сила никогда не заменит внутреннюю, – ни ее достоинства, ни правоты, – ни ее духовного импонирования. <…> Ибо государство держится не штыком, а духом; не террором, а авторитетом власти; не угрозами и наказаниями, а *свободною лояльностью народа*.

Поэтому, говоря о сильной власти в грядущей России, я разумею прежде всего и больше всего – ее *духовный авторитет.* Этот духовный авторитет предполагает наличность целого ряда условий.

Так, прежде всего, необходима та особая *национальная вдохновенность власти,* которая должна излучаться из нее: народ должен уверенно чувствовать, что это есть *наша, русская, национальная* власть, преданная историческому делу, верная, неподкупная, блюдущая и строящая; без этой уверенности не будет ни доверия, ни уважения, ни готовности «аккумулировать» и служить. Сильная власть есть *национально-убедительная власть.*

Далее, в России необходимо *религиозное доверие народа* к власти: власть инославная, иноверная или безверная всегда будет пользоваться в России скудным, урезанным, сомнительным авторитетом. Власть, оторванная от Бога, не может знать, что полагается «по Божьи»; она будет чужда *верующему* сердцу, а потому вообще не привлечет к себе сердец. Сильная власть есть *религиозно-убедительная власть*.

Далее, духовный авторитет власти будет тем больше, чем *независимее* будет эта власть. Зависимая власть не будет пользоваться ни уважением, ни доверием. Человек, который сам не стоит и не идет, не сможет и вести: за ним не пойдут. *Всякая* зависимость будет подрывать авторитет власти: зависимость от иностранных войск, от своей армии, от каких-либо международных явных или тайных организаций, от партий, от капитала, от всяких ультимативных «нажимов» и т. д. Даже зависимость от церкви была бы нежелательна и противоречила бы древней, русско-православной традиции. Русская государственная власть может определяться только верою, совестью, честью и российским всенародным благом. Это должна быть *автономная и предметно-убедительная власть.*

Наконец, эта власть должна быть в государственных делах *волевым центром страны.* Безволие и слабоволие не импонируют русскому человеку. Сам не имея зрелого волевого характера, рус-

ский человек требует воли от своего правителя. Он предпочитает окрик, строгость, твердость – уговариванию, «дискуссиям» и колебаниям; он предпочитает даже самоуправство – волевому ничтожеству. Ему необходима *императивная убедительность власти.*

Таковы основные условия *внутренней силы власти.* Им должна соответствовать ее *внешняя форма.* Отчетливо вычертить эту форму можно было бы только в виде конституционного проекта с подробным объяснительным комментарием. Здесь можно установить только основы грядущего государственного устройства России и то лишь вкратце. Вот эти основы.

1. Сильная власть грядущей России должна быть не *вне*правовая и не *сверх*правовая, а *оформленная правом* и служащая *по праву, при помощи права – всенародному правопорядку.* России нужна власть не произвольная, не тираническая, не безграничная. Она должна иметь свои законные пределы, свои полномочия, обязанности и запретности, – во всех своих инстанциях и проявлениях. Это относится и к органу верховной власти, как бы он ни назывался и кем бы ни был представлен. Русский народ должен осознать себя как *правовое* единство, как субъекта права, состоящего из множества субъектов права; как живую всероссийскую личность, которую строит и ведет сильная правовая власть.

2. Итак, русское государство будет субъектом права, юридическим лицом. А юридическое лицо организуется или по образцу *корпорации,* или по образцу *учреждения.* <…>

Корпорация строится снизу вверх равноправными членами: это есть осуществленное *самоуправление*. Каждый участник ее есть полномочный член целого, решающий о своем участии в корпорации, о ее целях и задачах, о ее уставе и правлении. Правовая жизнь корпорации строится *через тех,* кого она объемлет и обслуживает. Так, последовательная демократия пытается построить государство по принципу строгой корпорации, сводя принцип «учреждения» к минимуму.

Учреждение строится сверху вниз, учредителем и группою назначенных им лиц; это есть осуществленное *попечение о людях.* Цель и задачи учреждения устанавливаются с самого начала учредителем; они определяются уставом: уставом же определяется структура учреждения и способы его действия. *Одни* люди *ведут* учреждение, и в этом состоит их *служба; другие* люди *пользуются благами этого учреждения,* но полномочными членами его *не* являются. Правовая жизнь и деятельность учреждения строится

не теми, кого она обслуживает (напр., школа, больница). Так, абсолютная монархия пытается построить государство по принципу строгого учреждения.

В действительной жизни государство никогда не бывает ни последовательной корпорацией, ни последовательным учреждением. Государство всегда строится – не только сверху вниз, но и снизу вверх. Оно всегда осуществляет *властное попечение;* и всегда имеет *сферы народного самоуправления.* Понятно, что государство, нуждающееся *в сильной власти, будет склоняться к форме учреждения,* а государство, удовлетворяющееся *слабой* властью, будет более походить на корпорацию.

В грядущей России необходимо будет найти *верное,* жизненно-целесообразное, *для русского правосознания подходящее сочетание из учреждения и корпорации.* Участие русского гражданина в строительстве русского государства будет драгоценно, жизненно, необходимо; но оно не должно будет ослаблять силу государственной власти. Это участие не должно колебать и разлагать ее единства, авторитета и ее силы. Составитель будущей русской конституции должен понять и запомнить, что все установления, правила и обычаи демократического строя, которые усиливают центробежные силы в политике или ослабляют центростремительные тяготения народной жизни, – должны быть специально для России обезврежены и заменены иными, *закрепляющими национальное единение.* Здесь потребуется творчество новых государственных форм: нового избирательного права, новых партийных принципов, новых форм контроля, единения и водительства. Русский гражданин должен присутствовать своею лояльною волею и своим уважающим признанием во всех делах своего государства, – даже и там, где он не участвует в делах формальным голосованием. Форма «общественного договора» неосуществима в России: *всенародный сговор с арифметическим подсчетом голосов быстро развалит русское государство.* Но именно поэтому «общественный договор» должен стать живой, всепокрывающей, непоколебимой *предпосылкой русского правосознания.*

Задача нового государственного устройства России состоит в том, чтобы найти такую форму, при которой *дух братской корпорации насытит форму попечительно-ведущего учреждения, – при обеспеченном и непрерывном отборе качественно-лучших людей к власти.* Это учреждение должно быть несомо тем корпоративным духом, который оно само питает и насаждает, приучая

народ к самоуправлению, но не рабствуя корпоративной схеме и доктрине.

Новая конституция России должна *совместить преимущества авторитарного строя с преимуществами демократии, устраняя опасности первого и недостатки второй.*

3. Государственный строй новой России должен быть *по форме унитарным,* а *по духу федеративным.* Единство державы и центральной власти не может зависеть от согласия многих отдельных самостоятельных государств (областных или национальных); это развалит Россию. Но единая и сильная центральная власть должна выделить сферы областной и национальной самостоятельности и насытить всенародное единение *духом* братской солидарности.

4. Сильная власть отнюдь не должна привести в России к формам *централизации* и *бюрократизма.* Русское государство должно быть единым, но дифференцированным. Оно должно иметь *сильный центр, децентрализующий все, что возможно децентрализовать без опасности для единства России.* Центральное управление не сможет обойтись без назначаемого чиновничества, но надо будет найти новые формы для выдвижения снизу людей талантливых и достойных назначения. И в то же время бюрократии центра должно соответствовать широкое – местное, сословное и профессиональное самоуправление. Россия должна иметь *сильный центр, формально-авторитетный, но по существу и по духу – народный и всенародный.*

5. Все государственные дела должны быть разделены на две категории: *центрально-всероссийские,* верховные, и *местно-автономные,* низовые. К первым должны принадлежать все дела общегосударственные, единые для всех, субстанциальные для России как великой державы. Ко вторым – все остальные. Делами первой категории должен ведать сильный, авторитетный центр (отнюдь не исключающий народного представительства и питаемый свободным всенародно-корпоративным духом). Делами второй категории должны ведать органы самоуправления, работающие в согласии с децентрализованными, местными органами центра (что обеспечит им органическую поддержку центральной власти). Должна быть найдена такая форма государственного устройства, при которой *низовая сила будет вовлекаться в работу авторитарного центра,* а авторитарный центр будет иметь возможность влить свою оздоровляющую силу в то низовое место, которое потребует этого своею слабостью или своим расстройством.

В этом органическом единении важнее всего, чтобы *сильная власть верно соблюдала меру своего проявления:* все, что *может* делаться *нецентрально,* должно совершаться *автономно;* сила центра не должна подавлять автономное творчество людей и корпораций; но в час необходимости свободные люди и автономные корпорации должны получать *опору и оздоровление из сильного центра.* Тогда сильная власть окажется примиримою со свободною самодеятельностью народа.

6. Что касается *верховного органа власти* (Глава государства) в грядущей России, то необходимо помнить следующее. Коллективное (не единоличное) строение этого органа *ослабит его политическую силу:* при прочих равных условиях единоличный глава государства представляет более сильную волевую власть, нежели совокупный орган. Точно так же – избираемый Глава в полномочиях своих *срочный* (или тем более – краткосрочный), *сменяемый* (или тем более – *легко* сменяемый), *зависимый* от других пресекающих или авторитетно контролирующих органов, *лишенный* самостоятельной инициативы, – явит власть слабую. По общему правилу он создает на ответственейшем месте государства – центр безволия, интриг и замешательства.

Таковы общие основы, на которых может и должно покоиться государственное устройство грядущей России. Современные поколения русских людей сумеют найти соответствующие формы государственного бытия, творчески-новые и национально-спасительные.